

На правах рукописи

Батаева Тамара Увейсовна

**ЖАНР ПОВЕСТИ В ИНГУШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ И ХАРАКТЕР**

**5. 9. 1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации**

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Махачкала – 2024

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Ингушский государственный университет»

Научный руководитель – Мартазанов Арсамак Магомедович,
доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Официальные оппоненты: Биттирова Тамара Шамсудиновна,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН;

Инаркаева Субран Исламовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Ведущая организация – Государственное бюджетное учреждение «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева»

Защита диссертации состоится 5 ноября 2024 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 002.267.ХХ (24.1.477.01) при ФБГУН «Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» по адресу: 367032, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, каб. 207.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке ДФИЦ РАН по адресу: 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75, на сайте ДФИЦ РАН: dncran.ru, а также на сайте ВАК Минобрнауки РФ: vak.minobrnauki.gov.ru

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

И.Х. Алхлавова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Как известно, жанровая форма, будучи аксиологически значимой конструкцией, сложной системой эстетического освоения действительности, неразрывно связана, с одной стороны, с воспроизводимым материалом, а с другой – с особенностями писательского мирозерцания. Современные исследователи, как правило, фокусируют внимание прежде всего на смысловой стороне жанра – так называемой жанровой сущности. Настоящее диссертационное исследование направлено на осмысление жанровых особенностей повести в ингушской литературе 1920–1960-х годов и специфики художественного конфликта и характера в ней.

Актуальность данного диссертационного исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения важнейших жанровых особенностей ингушской повести и специфики конфликтных ситуаций и характеров, связанной с фактом преобладания исследовательского интереса над идеологическими аспектами в ущерб эстетическому своеобразию. На современном этапе поэтика повестей А.–Г. С. Гойгова, И. М. Базоркина, Б. Х. Зязикова, Х.–Б. Ш. Муталиева, подробная интерпретация конфликтов и характеров в них, позволяющие «проникнуть» в духовные, нравственные начала героев, постичь механизмы мотивации его мыслей, чувств и поступков, требуют пристального внимания и изучения. Исследование поэтики повести с точки зрения осмысления таких фундаментальных категорий как художественный конфликт и характер, раскрывающие тематическую и структурную сторону жанра, несомненно дает больше возможностей для интерпретации художественного текста и способствует постижению общих процессов духовной культуры народа.

Объектом настоящего исследования являются художественный конфликт и характер в повестях А.–Г. С. Гойгова («Джан-Гирей», «Серго», «Пробуждение»), И. М. Базоркина («Призыв»), Б. Х. Зязикова («Девять дней из жизни героя»), Х.–Б. Ш. Муталиева («Первые дни»).

Предметом исследования является жанр повести в ингушской литературе 1920–1960-х годов.

Степень изученности темы. Специфика жанра повести в ингушской литературе до недавних пор не оказывалась объектом системного научно-филологического анализа. Исследователи, которые так или иначе затрагивали данный историко-литературный материал, связанный с эволюцией повести под интересующим нас углом зрения, как правило, ограничивались отдельными наблюдениями – главным

образом, идеологического характера. В работах И. Дахкильгова,¹ Х. Туркаева,² А. Мальсагова³ и др. доминирует проблемно-тематическое рассмотрение, а собственно эстетические аспекты, в особенности касающиеся своеобразия коллизий и системы персонажей, практически не затрагиваются.

Ситуация существенно изменилась в последнее время с появлением фундаментальных трудов Х. Мартазановой,⁴ посвященных в том числе и рассматриваемым нами произведениям А.-Г. Гойгова и И. Базоркина, а также исследований Т. Горхановой⁵ и Х. Юсуповой.⁶ Особый интерес представляет работа Х. Юсуповой «Жанр повести в чеченской и ингушской литературах: становление и развитие (20–30-годы)», в которой исследованы как поэтика жанра повести, ее становление и развитие, так и принципы художественного конфликта и характера в повести в чеченской и ингушской литературе 20–30-х годов. Эти новаторские работы, содержащие глубокий эстетический анализ прозаических текстов ингушской литературы, обозначили путь, которым необходимо следовать современным литературоведам.

Цель исследования состоит в изучении процесса становления и развития среднего эпического жанра в ингушской литературе, при этом во главу угла при осмыслении жанровой специфики повести поставлены такие категории, как характер и художественный конфликт. Как известно, М. Бахтин в своей жанровой теории особую роль отвел хронотопу: «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен».⁵ Признавая хронотоп важной жанрообразующей категорией, определяющей принципы изображения человека в литературе,

¹ Дахкильгов И. Ингушская литература (период развития до 40-х годов). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1975.

² Туркаев Х. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973.

³ Мальсагов А. За новую жизнь. Тема классовой борьбы в повести Муталиева Х.-Б. «Первые дни» // Писатель и правда жизни: Сборник литературно-критических статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд.-во, 1974.

⁴ Мартазанова Х. Ингушская проза 20 века: национально-художественные истоки, жанровая специфика, поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. Нальчик. 2017.

⁵ Горчханова Т. Жанр рассказа в ингушской литературе. Истоки. Становление: Дис. ... канд. Филол. наук. Москва, 2016.

⁶ Юсупова Х. Жанр повести в чеченской и ингушской литературах: становление и развитие (20-30-годы): Дис. ... канд. Филол. наук. Москва, 2003.

⁵ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 235.

необходимо подчеркнуть, что характеры раскрываются в конфликтах, которые также существенно хромотопичны, именно ими во многом обуславливается жанровая сущность.

Достижение обозначенной цели представляется возможным при последовательном решении следующих **задач**:

- выявить основные конститутивные признаки повести как оригинального жанрового образования;
- раскрыть жанрообразующую роль художественного конфликта и характера;
- проследить пути жанрового становления ингушской национальной повести исследуемого периода;
- показать эволюцию жанра повести в ингушской прозе обозначенного периода;
- выявить специфику художественного конфликта и характера в творчестве А.-Г. Гойгова, И. Базоркина, Б. Зязикова, Х.-Б. Муталиева.

Гипотеза. Формирование и жанровая специфика ингушской национальной повести 1920–1960-х годов неразрывно связаны с известным культурно-идеологическим контекстом. Тщательный, не ограниченный проблемно-тематическими рамками системный научный подход к осмыслению жанровой сущности и специфики художественного конфликта и характера ингушской повести исследуемого периода позволит определить ее уникальный самобытный характер.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые осуществляется попытка целостного системного анализа национальной повести 1920–1960-х годов в контексте изучения структуры и функций художественного конфликта и специфики характера.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что данное исследование существенно дополняет уже имеющиеся работы по изучению специфики жанра повести, особенностей и структуры художественного конфликта и характера в национальной литературе.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы работы могут быть использованы при изучении творчества И. Базоркина, А.-Г. Гойгова, Б. Зязикова, Х.-Б. Муталиева в качестве материала для лекций по истории и теории ингушской литературы, а также при составлении программ спецкурсов и учебно-методических пособий.

Теоретической основой в решении обозначенных проблем являются работы Н. Утехина,⁶ Л. Гинзбург,⁷ Г. Поспелова,⁸ В. Хализева,⁹ М. Бахтина,¹⁰ В. Кожина,¹¹ Л. Чернец,¹² А. Коваленко,¹³ В. Белинского¹⁵, А. Бочарова¹⁶, С. Бочарова¹⁷, А. Погрибного¹⁸ и других, в которых рассматриваются основополагающие проблемы, связанные с жанровой спецификой повести, структурой художественного конфликта и характера.

В диссертационном исследовании широко используется научный опыт северокавказских ученых: И. Дахкильгова¹⁹, Х. Туркаева²⁰, О. Джанбекова²¹, К. Шаззо²², Х. Мартазановой²³, А. Мальсагова²⁴, М. Яндиевой²⁵ и др.

Для решения задач, поставленных в исследовании, использован биографический, сравнительно-исторический, культурно-исторический, описательный и мотивный методы анализа.

Материалом исследования стали шесть повестей, созданных четырьмя выдающимися писателями; три из них («Джан-Гирей», «Серго», «Пробуждение») написаны в период с середины 1920-х гг. до середины 1930-х гг. основоположником ингушской советской литературы А.-Г. Гойговым, а остальные – соответственно «Призыв» И. Базоркина, «Девять дней из жизни героя» Б. Зязикова, «Первые дни» Х.-Б. Муталиева – появились практически одновременно на рубеже 1950–1960-х гг. Выбор именно этих литературно-художественных текстов обусловлен их особой репрезентативностью в плане реализации цели и задач диссертации.

⁶ Утехин Н. Жанры эпической прозы. Ленинград: Наука 1982.

⁷ Гинзбург Л. О психологической прозе. – Москва: INTRADA 1999.

⁸ Поспелов Г. Введение в литературоведение. М.: Высшая школа, 1976.

⁹ Хализев В. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999.

¹⁰ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет.

¹¹ Кожин В. Размышления об искусстве, литературе и истории. М., 2001.

¹² Чернец Л. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во МГУ, 1982.

¹³ Коваленко А. Художественный конфликт в русской литературе. М.: Изд.-во Российский университет Дружбы Народов, 1996.

¹⁵ Белинский В. О русской повести и повестях Гоголя. М.: Детская литература, 1978.

¹⁶ Бочаров А. Бесконечность поиска: художественные поиски современной советской прозы М.: Советский писатель, 1982.

¹⁷ Бочаров С. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.

¹⁸ Погрибный А. Художественный конфликт в развитии современной советской прозы. Киев: Вища школа: Изд-во Киев. ун-та, 1981.

¹⁹ Дахкильгов И. Ингушская литература (период развития до 40-х годов). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1975.

²⁰ Туркаев Х. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973.

²¹ Джанбеков О. Национальное своеобразие чеченской народной бытовой лирики. Грозный: Чеч.-Инг. изд.-полигр. объединение «Книга». – 1990.

²² Шаззо К. Избранные труды. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2015.

²³ Мартазанова Х. Ингушская проза 20 века: национально-художественные истоки, жанровая специфика, поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. Нальчик. 2017.

²⁴ Мальсагов А. За новую жизнь. Тема классового конфликта в повести Муталиева Х.-Б. «Первые дни» // Писатель и правда жизни: Сборник литературно-критических статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд.-во, 1974.

²⁵ Яндиева М. Ингушские смыслы в художественно-интеллектуальном наследии XX в. Магас: Изд.-во «Сердало», 2007.

На защиту выносятся следующие положения:

– жанровое становление ингушской национальной литературы, равно как и всех новописьменных литератур Северного Кавказа, происходило, прежде всего, в процессе творческой обработки богатых фольклорных традиций, освоения опыта традиций русской классики, а также под мощным культурно-идеологическим влиянием советской литературы (начиная с 1930-х годов, можно говорить о воздействии соцреалистического канона);

– ингушская повесть исследуемого периода обнаруживает тяготение к различным модификациям жанра: с нравственно-психологической, автобиографической, общественно-политической и другими доминантами;

– центральное место в национальной повести (как и во всей литературе того периода) занимал социально-идеологический конфликт – столкновение коммунистических начал с силами старого мира. В период расцвета социалистического реализма (1930-е гг.) важную роль играет так называемый революционно-героический хронотоп;

– жанровое своеобразие ингушской повести обусловлено прежде всего её поликонфликтной структурой: на первом плане оказывается социально-идеологический конфликт, однако в глубинах смысловой конструкции текста обнаруживаются коллизии этнического и религиозного свойства;

– жанроформирующую роль в ингушской повести играет «двойной конфликт»: предельно эксплицированное социально-идеологическое противостояние (борьба трудящихся против эксплуататоров и насаждаемых ими порядков) как бы заслоняет собой коллизии, связанные с борьбой ингушского народа за сохранение своей самобытности. Однако, по существу, именно эти глубинные и подспудные религиозно-этнические коллизии придают ингушской повести особое своеобразие.

Апробация результатов. Основные положения диссертационной работы нашли отражение в восьми научных статьях, четыре из которых вошли в журналы из перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Результаты исследований по отдельным проблемам докладывались на международных научных конференциях: «История и культура народов Кавказа» (Магас, 2016), «Образование, наука и культура Кавказа: традиции и современность» (Магас, 2017), «Вузовское образование и наука» (Магас – Махачкала, 2020), «Наука XIX века: вызовы, становление, развитие» (Петрозаводск, 2023), «Роль

государственной политики в создании ингушской письменности» (с международным участием) (Магас, 2023).

Структура работы. Цели и задачи предпринятого исследования определяют структуру работы, которая состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. **Объем диссертации** – сто семьдесят семь страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его цели и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, структура, источники исследования, рассмотрено состояние научной разработанности темы диссертации, формулируются теоретические положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Специфика жанра повести. Конфликт и характер как литературоведческие категории»** носит общетеоретический характер и посвящена рассмотрению жанровой сущности повести в связи с такими факторами, как конфликт и характер.

В разделе 1 «Дискуссионные вопросы изучения жанровой специфики повести») речь идет об основных атрибутивных признаках повести как жанра, история которого уходит своими корнями в древнерусскую литературу. Современные исследователи указывают на гибридность, лабильность данного жанра, на прозрачность границ между повестью и рассказом, повестью и небольшим романом.

Раздел 2 «Конфликт и характер как литературоведческие категории» посвящен рассмотрению конфликта и характера в качестве хронотопических, а значит, жанрообразующих категорий. В ряду классификаций и систематик различного рода художественных конфликтов в главе первой выделяется предложенная А. Коваленко типология коллизий, в соответствии с которой конфликты могут носить либо валентный, либо амбивалентный характер – в зависимости от степени вовлеченности автора произведения в изображаемые им антиномии.

В разделе 3 «Эволюция повествовательных форм в ингушской литературе» рассматривается логика жанрового становления ингушской литературы, происходившего, прежде всего, в процессе творческой обработки богатых фольклорных традиций, освоения русской классики, а также под значительным идеологическим влиянием советской литературы. В ингушской литературе исследуемого периода на первом

плане оказываются конфликты, обусловленные происходящими в жизни историческими и социальными переменами, поэтизируются и пропагандируются новые принципы и ориентиры, которые вступают в очень напряженные отношения с традиционно устоявшимися нормами национального бытия.

Вторая глава **«Художественный конфликт и характер в повестях А.-Г. Гойгова»** посвящена творчеству А.-Г. Гойгова. Рассмотрена творческая эволюция писателя – постепенный переход от публицистики к полноценной художественной прозе. Значительное место во второй главе занимает подробный анализ повести А.-Г. Гойгова «Джан-Гирей». Основу содержания произведения составляет история молодого ингуша, который, чтобы спасти семью от голода, вынужден был уехать на заработки в Москву, где полюбил русскую девушку и вступил с ней в брак. Своеобразие личности Джан-Гирея обусловлено не совсем обычными обстоятельствами его образования и воспитания: он с ранних лет был знаком с другой этнической средой, повлиявшей во многом на его моральные устои. «Много лет назад Исса отвез Джан-Гирея в станицу Воздвиженскую к своему кунаку – казаку Ивану, чтобы мальчик научился говорить по-русски». Односельчане во главе с муллой Бексолтом яростно осудили этот поступок бедняка Иссы: «Люди, смотрите на него седобородого. Разве он ингуш!? Да как ты бога не боялся отдать родного сына этим проклятым русским. Врагам народа, нашей веры!». Таким образом уже в самом начале повести обозначены контуры того межэтнического конфликта, который составляет основу смысловой структуры произведения. Антонимия «свой-чужой» структурирует сюжет повести от начала и до конца. В перспективе этой ключевой оппозиции соотнесены все конфликты и событийные ситуации.

Разумеется, межэтнический конфликт сосуществует в концептуально-смысловой конструкции повести с типичной для тогдашней советской литературы социально-идеологической коллизией. Произведение пронизывает мысль о том, что все бедняки, независимо от национальной принадлежности, являются братьями, им нечего делить. Автор повести пытается убедить читателя, что истинные враги Джан-Гирея – отнюдь не русские (ведь не случайно Иван, бедный казак из станицы Воздвиженской, фактически стал побратимом его отца Иссы), но богачи, включая таких соплеменников-единоверцев, как мулла Бексолт или купец Хасолт. Соответственно, в рамках социально-идеологической коллизии в повести акцентируется мысль о контрпродуктивности отживших свой век патриархальных предрассудков. Так автор показывает, что основой национальной розни,

жертвой которой стали Джан-Гирей, Лида и их дети, являются не столько межэтнические отношения, сколько классовые, социальные.

Перед нами тот специфический тип «двойного конфликта», особая хронотопическая и жанроформирующая структура, которая выходит за рамки анализируемого произведения; ее следует признать инвариантной для ингушской повести в целом. На первом плане оказывается классовая логика, в полной мере соответствующая казенно-официальной идеологии. Суть этой концепции, лежащей в основе социально-идеологической коллизии, состоит в том, что ингуши-труженики должны, объединившись с русскими братьями по классу, сражаться против буржуазии, кулаков и священнослужителей за торжество коммунистической гармонии, а прежние традиции и всевозможные предрассудки, сформировавшиеся в недрах дореволюционного порядка, необходимо заменить новой передовой этикой. Однако за этой прямолинейно-тенденциозной коллизией (борьба трудящихся против эксплуататоров и насаждаемых ими уродливых порядков) в каждой ингушской повести интересующего нас периода обнаруживается гораздо более неоднозначная проблематика, связанная с отчаянной борьбой маленького народа за сохранение своего уникального этнического своеобразия. В конечном счете, если при чтении ингушской советской повести вынести за скобки всё то, что являет собою откровенный «агитпроп» (этот компонент в структуре произведения можно также назвать революционно-героическим хронотопом), становится ясно, что ингуши выбрали большевизм, увидев в этом общественно-политическом движении меньшее из прочих зол. Выбор ингушами советской власти был обусловлен не столько революционностью горского народа, сколько инстинктом этнического самосохранения, геополитической волей.

На основной конфликт, связанный с адаптацией личности к инородной среде, существенное влияние оказывает любовно-матримониальная ситуация. Джан-Гирей влюбляется в Лиду и ощущает себя счастливым. Однако Джан-Гирей хорошо понимает, что, несмотря на душевную связь, они с Лидой принадлежат двум несовместимым мирам: «Как я привезу русскую жену в Кескем? – размышляет Джан-Гирей. – Разве простят мне родные нарушение адата!»

В финальной части произведения тоска по родному краю и категорические требования родных заставили Джан-Гирея (хотя и не без колебаний) вернуться на родину. Родная сторона встретила его непреступной, холодной стеной всеобщего осуждения. Жертвой оппозиции «свой-чужой» теперь является Лида, оказавшаяся в чуждой среде. Все усилия со стороны Лиды, старающейся адаптироваться к

новым морально-поведенческим законам, встречают полное непонимание и враждебность.

Нередко интерпретаторы повести воспринимают финальную часть (семья изгоняет Лиду, разлучая героиню с детьми) в социально-идеологическом контексте и сравнивают трагическую развязку с антиклерикальной публицистикой писателя. Между тем тенденциозно-идеологический характер носит в данном случае лишь обличительная риторика, в координатах которой ненависть к Лиде со стороны родственников и земляков Джан-Гирея трактуется как результат деятельности мулл и классовых врагов. Что же касается событийно-драматургического ряда, то здесь всё определяется авторской установкой на реалистическую достоверность, и воспринимать финал повести необходимо в контексте межэтнического конфликта.

Дихотомия «свой – чужой», как подчеркивают современные этнопсихологи, до сих пор является важным регулятором человеческого поведения. Между тем у А.-Г. Гойгова речь идет о событиях более чем вековой давности, происходящих в патриархально-архаическом социуме. В «Джан-Гирее» смоделирована подлинно трагически-неразрешимая, амбивалентная коллизия. Главный герой – вовсе не жертва внешнего давления, никто не помешал бы ему остаться вместе с Лидой в огромной Москве, продолжая вести уже привычное существование. В том-то и дело, что Джан-Гирей способен в течение достаточно длительного времени находиться вдали от родного края, в казачьей станице или российском мегаполисе, особенно если этого требуют интересы семьи, но полноценная жизнь для него возможна только на родине. Поэтому возвращение героя было неизбежным.

Разумеется, отторжение ингушским социумом чужеродных начал, о котором идет речь в повести, можно признать «пережитками несправедливых отношений», следствием темноты, невежества, предрассудков. Но возможно подойти к данной ситуации несколько иначе и увидеть в ней проявление инстинкта этнического самосохранения, без которого крайне малочисленный народ неизбежно утратил бы уникальную самобытность и подвергся ассимиляции. Повторимся, основу содержания повести «Джан-Гирей» составляет подлинно амбивалентная коллизия, которая в известной мере закамуфлирована социально-идеологическим конфликтом и соответствующей коммунистической риторикой.

Далее во второй главе рассматривается автобиографическая повесть А.-Г. Гойгова «Пробуждение», где писатель обращается к художественному анализу проблемы становления личности ребенка.

Произведение воссоздает не просто автопортрет, но целостную картину, в которой все пережитое автором возведено из личного в степень общего. Одним из основных элементов такого обобщения является предельно эксплицированный социально-идеологический конфликт, в рамках которого развернута целая система соответствующих бинарных оппозиций: «бездушные учителя – дети бедноты», «духовенство – крестьяне» и т. п. Эти антиномии должны, по замыслу автора, передать накаленную классовую борьбу атмосферу, царившую в начале 20 века в Ингушетии. Составляющий концептуально-смысловую основу повести «Пробуждение» социально-идеологический конфликт, отслеживающий прежде всего борьбу кулацко-клерикальной верхушки с крестьянской беднотой, с одной стороны, отражает особенности отражаемой дореволюционной эпохи, а с другой стороны, обнаруживает очевидную связь с действительностью эпохи создания произведения – то есть 1930-х годов.

В жанровые рамки своего повествования о детстве А.-Г. Гойгов вводит, в полном соответствии с соцреалистическим каноном, исторические экскурсы и идеологические комментарии о дореволюционной Ингушетии. Исторические реалии и сопутствующая им коммунистическая риторика фигурируют практически во все главах повести и плавно перетекают в сцены школьного быта. Жизнь автобиографического героя разворачивается в контексте социально-идеологического конфликта. Особый акцент автором делается на концепте «пробуждение», который обнаруживает смысловую емкость, многозначность и используется в различных вариациях. Речь идет прежде всего о революционном брожении: «Пробуждалась, встряхиваясь и щетинясь, Ингушетия».

Как уже было отмечено, «Пробуждение» – повесть, структурированная по соцреалистическому лекалу, а потому в ней предельно эксплицирован социально-идеологический конфликт, в системе координат которого воспроизводится классовая борьба и революционная трансформация действительности. Что же касается коллизий, связанных с неуклонным стремлением ингушского народа к сохранению уникальной этнической самобытности, то они (в сравнении, например, с рассмотренной выше повестью «Джан-Гирей») возникают лишь периодически, на заднем плане, чаще всего только намеченные, обозначенные пунктиром. В этом отношении особое место в смысловой структуре «Пробуждения» занимает тема абречества. На первый взгляд, феномен абречества не выходит за рамки социально-идеологического конфликта, однако в объемной главе повести, посвященной раскрытию

образа народного заступника Сулумбека Гараводжева (Гандолоева), подчеркивается особый, национально-освободительный характер этого движения, направленного против жестоких карательных мер, осуществляемых царскими наместниками по отношению к горцам. Вообще же, следует признать, что та часть повести, которая посвящена абрекам, отличается более высоким «градусом» письма: здесь автор, выражаясь словами В. Маяковского, высказывается «не по службе, а по душе».

Во второй главе также содержится подробный анализ повести А.-Г. Гойгова «Серго», в которой, в полном соответствии с требованиями соцреалистического канона, воспеваются подвиги большевика С. Орджоникидзе. В тех нечастых для повести «Серго» ситуациях, когда соцреалистический мифологизм, в рамках которого горцы, охваченные революционным порывом, рвутся к коммунистическим идеалам, уступает место реалистической достоверности, на первый план незамедлительно выходит вышеупомянутая скрытая коллизия, связанная с инстинктом этнического самосохранения ингушского народа.

Вторая глава завершается разделом «Приемы психологизма в прозе А.-Г. Гойгова (пейзаж и портрет)», где подробно рассмотрены основные функции пейзажных зарисовок и портретных характеристик в текстах писателя. Что касается пейзажа, то он, как правило, не выполняет сколько-нибудь существенной функции в развитии сюжетной мотивировки, однако роль природных картин в акцентуации кульминации достаточно велика – например, в рассказе «Беспросветный путь» или в повести «Джан-Гирей». Важнейшая функция литературного пейзажа – концептуально-смысловая: описания природы способствуют раскрытию социально-философских, общественно-политических, этических и эстетических воззрений писателя. Краткое рассмотрение особенностей портретных характеристик в прозе Гойгова приводит к выводу о том, что портрет является для автора одним из ведущих принципов формирования психологического образа всех персонажей. Повести и рассказы отмечены отчетливой дифференциацией в обрисовке внешних черт положительных и отрицательных персонажей, что детерминировано в основном канонами советской литературы. В прозе писателя присутствуют как идеологическими статичные портреты (описание неизменных внешних черт), так и динамические. При этом воспроизведение динамических портретов превалирует и служит полноценному раскрытию психологического облика героев.

В третьей главе «Ингушская повесть 1950–1960-х годов» рассматриваются произведения И. Базоркина, Б. Зязикова и

Х.-Б. Муталиева, написанные во второй половине XX века. Первый раздел главы («Творчество И. Базоркина (повесть «Призыв») и Б. Зязикова (повесть «Девять дней из жизни героя»)) посвящены повестям, в которых речь идет о событиях революции и Гражданской войны.

На первый взгляд, первостепенную роль в повести И. Базоркина «Призыв», как и в ранее рассмотренных произведениях А.-Г. Гойгова 1920–1930-х годов, играет социально-идеологический конфликт, коллизии же этнического свойства, связанные с отчаянной борьбой ингушского народа за сохранение и развитие национально-специфических традиций и духовно-нравственных ценностей, оказываются на втором плане. Однако в ходе детального анализа повести Базоркина становится очевидным качественный сдвиг, произошедший в ингушской литературе за годы, разделяющие повести «Серго» и «Призыв». Различия в изображении участия ингушей в революционной борьбе с белогвардейцами не сразу бросаются в глаза, однако они носят принципиальный характер. Если в произведениях 1920–1930-х годов речь идет о героях, которые, изживая религиозно-этнические предрассудки, приобщаются к новым большевистским идеям и принципам, то в «Призыве» мы видим персонажей, твердо решивших отстаивать свои национальные традиции и ради достижения этой цели вступивших в союз с большевиками. Разумеется, И. Базоркин, в полном соответствии с историческими реалиями, показывает объективные сложности происходящих процессов, тяжелым бременем лежащих на плечи ингушских тружеников и рождающих в их душах трудноразрешимые внутренние конфликты.

Процесс интенсивного формирования личности главного героя оказывается в центре внимания автора повести. Этот процесс эволюции от юношеского эмоционально-стихийного порыва до сознательного твердого следования нравственным ориентирам раскрывает концептуально-смысловую суть произведения. Особая, возвышенно-романтическая палитра повести определяется нравственным максимализмом Эльберда. И вопрос, над которым герой задумывается в самом начале повести – неужели люди так просто умирают? – находит свой логический ответ: «Умирают, чтобы жили другие». Конечно же, воспитанием, да и самой природой, в Эльберде заложено много достойных качеств, но своего подлинного раскрытия они достигают в самых нелегких жизненных испытаниях. И мы видим, как вчерашний юноша, «увлеченный романтическими порывами», становится мужчиной, зрелым человеком, способным на переломе национальной истории осознать свою роль в ней и сделать единственно правильный

выбор в царящем вокруг хаосе: бороться с врагом во имя утверждения самых высоких нравственных идеалов.

В шестой главе повести мы видим Эльберда в ситуации замешательства, поскольку для него непривычно направлять оружие на человека. Восьмая глава обнаруживает совершенно противоположную динамику: именно от его рук гибнет Андрей Свиридов, непримиримый враг советской власти. Однако в не меньшей степени, чем политико-идеологические взгляды, важен в повести специфический шовинизм этого героя. Он является антиподом Эрмало, Керима, Элберда в морально-этническом плане. Наиболее ярко характеризует Андрея Свиридова эпизод, когда, сбросив с фэтона тело умирающего Берса, он приказывает ошеломленному от ужаса извозчику ехать дальше, к Александровскому проспекту. При этом Свиридов спокойно курит папиросу и насвистывает модный романс «Белые акации». Таким образом автор подчеркивает бесчеловечность и ненависть этого персонажа к представителям ингушской национальности.

Сюжетную структуру повести Б. Зязикова «Девять дней из жизни героя» определяет хроникально-батальная канва, в рамках которой и дается раскрытие образа главного героя. Б. Зязиков стремится к акцентированному заострению социально-идеологического конфликта. Внимание автора сосредоточено именно на его классовом содержании. С первых же страниц повести, начинающейся с описания пятничного базара, где можно встретить все слои общества, мы видим, что социально-классовая доминанта является определяющей в поведении персонажей. Автор не случайно вводит эпизод, свидетельствующий об остроте социального расслоения, – притеснение бедняков сборщиками налогов.

Вместе с тем, как и во всех ранее рассмотренных нами произведениях, в повести Б. Зязикова педалирование социально-идеологического конфликта не заслоняет от читателя коллизий этнического характера. Ненависть горцев к сборщикам налогов обусловлена не столько логикой пресловутой классовой борьбы, сколько противоречием между требованиями адата и законами так называемой рыночной экономики. В начале повести писатель показывает, как углубление и обострение конфликта между поведенческими нормами, морально-религиозными принципами ингушей и дореволюционными порядками в царской России ведет к росту революционных настроений. Самодержавие готово на любые жестокие методы и средства, для подавления свободлюбивого духа народа. В результате же горцы принимают правду большевиков и вступают в революционную борьбу, в

ходе которой начинается драматический процесс адаптации ингушского народа к социалистическим реалиям.

И надо отметить, что писатель, воспевая невероятную храбрость Мандре, на протяжении всей повести подчеркивает героизм всего ингушского народа, маленького народа, готового бороться за каждую пядь земли. «Наши старики говорили: сила силу ломит. Если мы будем защищать каждую пядь земли, враги поймут, что мы не пали духом, что мы не сдались!», – повествует автор. Нальгиев выступает символом и воплощением национально-освободительного движения. Истоки его героизма заключены именно в этом. Осмысление революционных событий именно в контексте борьбы ингушского народа за сохранение национальной идентичности является одним из важных художественных достоинств данного произведения.

Второй раздел третьей главы «Художественный конфликт и характер в прозе о коллективизации. Творчество Х.-Б. Муталиева. Повесть “Первые дни“» посвящен творчеству известного прозаика, центральным произведением которого стала повесть «Первые дни».

Писатель, следуя в своем произведении соцреалистическому канону и соблюдая основные требования цензуры, в то же время с достаточной степенью реалистической достоверности отобразил действительные противоречия, характерные для ингушского общества начала 1930-х годов, трагические сложности процесса раскулачивания, формирование новых отношений в крестьянской среде.

Смысловая структура повести «Первые дни» во многом напоминает конструкции тех произведений ингушской литературы, которые были рассмотрены нами ранее. В фокусе авторского внимания оказывается, разумеется, социально-идеологический конфликт, в рамках которого воспроизводится непримиримая классовая борьба активистов, опирающихся на бедноту, против кулаков. Однако при внимательном чтении за этой трафаретной прямолинейно-тенденциозной линией обнаруживается уже знакомая нам по произведениям А. Гойгова, И. Базоркина, Б. Зязикова проблематика, связанная с этнической коллизией, в системе координат которой отслеживается отчаянная борьба ингушей за то, чтобы в ситуации тотальной ломки вековых устоев сберечь хотя бы немногие ключевые традиции, без которых дальнейшее существование народа потеряет смысл.

В этом плане показателен эпизод из 5-й главы, где речь идет о напряженных колебаниях Ахмеда Дакаева, главы местной власти: размышляя о предстоящей конфискации имущества богачей в рамках раскулачивания, герой отдает себе отчет в том, что данная акция станет

грубейшим нарушением древней национальной традиции – такого не бывало еще, чтобы ингуш разорял ингуша. Подобного рода ситуация, когда классовая логика вступает в непримиримое противоречие с законами адата, носит в повести инвариантный характер.

Что касается лежащего на поверхности произведения слоя трафаретно-соцреалистической атрибутики, то перед нами в основном схемы, сложившиеся в советской литературе еще в 1930-е годы и знакомые читателю прежде всего по роману М. Шолохова «Поднятая целина», вторая книга которого была опубликована незадолго до написания повести «Первые дни» и, возможно, послужила своеобразным ориентиром для Х.-Б. Муталиева. В полном соответствии с этой схемой, в повести «Первые дни» проведен резкий водораздел между сознательными активистами и непримиримыми кулаками. Целью такой дифференциации является четкое обозначение непримиримых классовых противоречий, углубление конфликта в повести. Впрочем, к числу негативных персонажей в типовой схеме произведения о коллективизации обычно относятся не только непримиримые враги (прежде всего кулаки и шпионы диверсанты), но также и те члены руководящих органов, которые относятся к делу бездушно, формально и тем самым приносят огромный вред. Таков в повести «Первые дни» председатель исполкома Муса Салиев. Салиев заинтересован исключительно в процентах проводимой коллективизации, в показателях, совершенно не заботясь о благе и чаяниях народа. Ему важен результат, поэтому им движет только желание – выполнить план, блеснуть перед начальством. Салиев – бездумный исполнитель директив, лишенный всякой творческой жилки, заботящийся более всего о собственном положении. Председателю исполкома Салиеву противопоставлены в повести Ахмед Дакаев и Назир Дахаев, которые являются искренними борцами за торжество колхозного строя и новой коммунистической морали. Такие персонажи являются типичными для советской литературы о коллективизации.

Вполне достоверно переданы образы братьев Арапхиевых – местных кулаков. Эпизоды, связанные с образами братьев Арапхиевых, отмечены печатью реалистической достоверности. Достаточно убедительны доводы Исы в свою защиты, с гневом высказанные в адрес Ахмеда и Багаудина: «Это вот с такими-то руками кулаки? – Он отодвинул плечом подскочившего Бахайга, вытянул громадные, заскорузлые от работы ладони. – Ты такие мозоли у кулаков видел? Кулак он в шелковых рубашках расхаживает, а нам с братом дух перевести некогда». Не менее убедительны рассуждения Хасана о том, что

советская власть, уничтожая лучших хозяев и делая ставку на бездельников-бедняков, останется в результате ни с чем.

В соцреалистической литературе, в особенности же когда речь идет о социально-идеологическом конфликте, персонажи чаще всего делятся, по замечанию А. Бочарова, «на безусловно положительных и безусловно отрицательных». В произведении Х.-Б. Муталиева обнаруживается целый ряд персонажей, характеры которых ускользают от однозначных характеристик. Таков, например, Багаудин (Бахайг, как его называют односельчане). При всей кажущейся схематичности истории этого героя (униженный и оскорбленный представитель бедноты по ходу развертывания сюжета преобразуется, становясь уважаемым и значимым членом нового общества), в характере Багаудина, наряду с чертами, вызывающими симпатию, наличествуют также и признаки некоей ограниченности, духовной ущербности. Он хорошо помнит все нанесенные ему обиды, начиная с раннего детства. Бессознательным регулятором его поведения является жажда отомстить своим обидчикам. Надо отметить, что для командно-административной системы периода преобразований на селе такие люди, как Багаудин, были необходимы. Во многом благодаря им стало возможным осуществление плана коллективизации, ибо на таких можно было смело опереться. Подобного рода герои играют весьма существенную роль во многих произведениях о коллективизации – достаточно вспомнить, например, Авинера Козонкова из повести В. Белова «Плотницкие рассказы» или Игнаху Сопронова из романа В. Белова «Кануны», а также Сенечку Зенина из романа Б. Можяева «Мужики и бабы». Необходимо отметить, что все вышеназванные произведения появились значительно позже «Первых дней», так что следует признать: Х.-Б. Муталиев одним из первых в советской литературе открыл подобный тип героя, который пользуется ситуацией грандиозной социально-нравственной ломки, чтобы взять реванш за все прежние неудачи, обусловленные в основном его личной интеллектуальной ограниченностью.

В семидесятые годы прошлого века Х.-Б. Муталиева порой критиковали за чрезмерное педалирование темных, трагических сторон коллективизации, требуя от писателя пафосного воспевания колхозного движения и классовой борьбы. В настоящее время произведения, подобные «Первым дням» – в прямо противоположном духе – нередко подвергаются осуждению за лакировку и идеализацию сталинской преступной политики. Представляется, однако, что следует избегать крайностей при анализе книг, созданных в совершенно иных, чем сегодня, культурно-идеологических условиях – прежде же всего нельзя

забывать о факторе советской политической цензуры. И если взглянуть на произведение Х.-Б. Муталиева объективно и трезво, без гнева и пристрастия, то нельзя не признать: повесть «Первые дни» в целом достаточно достоверно и на весьма высоком художественном уровне отобразила сложнейшие реалии трагического процесса коллективизации.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, касающиеся жанрового своеобразия и специфики художественного конфликта и характера ингушской повести 1920–1950-х годов.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. **Батаева, Т. У., Мартазанов, А. М.** Проблематика и художественный конфликт в повести А.-Г. С. Гойгова «Пробуждение» / Т. У. Батаева. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 3 (64). – С. 317–318.

2. **Батаева, Т. У.** «Небывалое время» в повести Х.-Б. Ш. Муталиева «Первые дни» (к постановке проблемы) / Т. У. Батаева. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 5. (90). – С. 397–398.

3. **Батаева, Т. У., Бекова, М. Р.** Женские характеры в прозе А.-Г. Гойгова и Х.-Б. Ш. Муталиева в контексте этических и религиозных ценностей / Т. У. Батаева, М. Р. Бекова. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6 (91). – С. 542–544.

4. **Батаева, Т. У.** Отражение художественного конфликта и система образов в повести Х.-Б. Муталиева «Первые дни» / Т. У. Батаева. – Текст: непосредственный // Успехи гуманитарных наук. – 2023. – № 7. – С. 39–42.

Публикации в других изданиях:

5. **Батаева, Т. У., Мартазанов, А. М.** Концепт «пейзаж» в структуре художественного текста А.-Г. С. Гойгова / Т. У. Батаева, А. М. Мартазанов // Вузовское образование и наука: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Магас–Махачкала, 28 декабря 2020 г. / под ред. А. А. Албогачиева. – Магас–Махачкала : Алеф. 2020. – С. 58–68.

6. **Батаева, Т. У.** Роль портрета в творчестве А.-Г. С. Гойгова / Т. У. Батаева // Наука XIX века: вызовы, становление, развитие: материалы X Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 20 марта 2023 г. / под ред. И. И. Ивановской. – Петрозаводск : МЦНП «Новая наука». 2023. – С. 309–316.

7. **Батаева, Т. У.** Проблема духовной красоты и роль художественного диалога в повести Б. Зязикова «Красота – до полудня, добродетель – до смерти» / Т. У. Батаева // Роль государственной политики в создании ингушской письменности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию газеты «Сердало», Магас, 23 мая 2023 г. / под ред. – Магас, 2023. – С. 95–98.

8. **Батаева, Т. У., Мартазанова, Х. М.** Проблема духовного становления личности в повести «Призыв» И. М. Базоркина. / Т. У. Батаева, Х. М. Мартазанова // История и культура народов Кавказа: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию М. Э. Джабагиева, Магас, 26 сентября 2016 г. / под ред. М. А. Матиева. – Магас: Ингушский гос. ун-т. 2016. – С. 256–262.

9. **Батаева, Т. У., Мартазанов, А. М.** Художественно-стилевые особенности повести А.-Г. С. Гойгова «Серго» / Т. У. Батаева, А. М. Мартазанов // Образование, наука и культура Кавказа: традиции и современность: материалы Международной научной конференции, посвященной 25-летию образования Республики Ингушетия, Магас, 17 февраля 2017 г. / под ред. М. А. Матиева. – Магас: Ингушский гос. ун-т. 2017. – С. 227–229.